

СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

**ПРИНЦИП ОСТЕНСИВНОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ
РУССКОЙ ЧАСТИЦЫ**

Алимпиева Л.В.

Международный университет «Ала-Тоо», Бишкек, e-mail: larisa_alimpieva@mail.ru

Антропоцентрическая парадигма в языкознании выдвинула новый объект изучения – функциональность языка. Современная теоретическая лексикография требует, чтобы составители словарей учитывали языковые запросы пользователей. Цель данной статьи состоит в обосновании включения в микроструктуру леммы двуязычного словаря информации об интонации русских частиц. В работе использовались труды в области теории языкознания и практики двуязычной лексикографии, а также применены общелinguистические и эмпирические методы исследования. В результате проведенной работы автор пришла к выводу, что важным условием рецепции русских частиц является интонация, относящаяся к паралингвистической системе коммуникации. Интонация является существенным модификатором вербальной коммуникации. Она воспринимается подсознательно, передает эмоциональное и психическое состояние говорящего, представляет собой сигнал произвольного характера, демонстрирует, как слово или выражение было произнесено. Русская частица в совокупности с интонацией играет важную роль в передаче смысла высказывания. Именно через частицы адресант сообщает конкретное коммуникативное значение: узаконное или окказиональное. Частицы обогащают высказывания разнообразными коннотативными, аффективно-эмфатическими и модальными значениями. Характеризуются высокой степенью антропогенности. Иностранец обычно затрудняется в понимании смысла высказывания, в котором использована русская частица. Данное обстоятельство требует настоящего применения лексикографом принципа остенсивной экспликации русских частиц. Для реализации этой идеи необходимо создание и включение в двуязычный словарь (в виде дополнительного приложения) различных озвученных эталонных моделей употребления русских частиц (с наиболее частотными и нетривиальными значениями) в высказываниях и фразах. Интернализация слов с помощью слухового восприятия позволяет иноязычному пользователю усваивать русские частицы и использовать их в общении.

Ключевые слова: двуязычный словарь, антропоцентрический подход, русская частица, субзнак, остенсивная экспликация, экзосема

**PRINCIPLE OF OSTENSIVE EXPLICATION
OF THE RUSSIAN PARTICLE**

Alimpieva L.V.

Ala-Too International University, Bishkek, e-mail: larisa_alimpieva@mail.ru

The anthropocentric paradigm in linguistics has foregrounded a new object of study: language functionality. Modern theoretical lexicography mandates that dictionary compilers address users' linguistic needs, acknowledging the human-centered nature of language. This article aims to justify incorporating information about the intonation of Russian particles into the microstructure of bilingual dictionary entries. The study draws on works in linguistic theory and bilingual lexicography, employing general logical and empirical research methods. The author concludes that intonation, a paralinguistic feature of communication, is critical for the reception and comprehension of Russian particles. Intonation modifies verbal communication, subconsciously conveying the speaker's emotional and mental state, serving as an involuntary signal, and indicating how words or phrases are articulated. Russian particles, which fulfill situational meaning-distinguishing functions, combine with intonation to form an integral part of utterances, embedding specific communicative intent. This includes both conventional (standard) and context-driven (occasional) particle usage. Particles introduce diverse semantic, affective-emphatic, and modal meanings into utterances and exhibit greater human-centeredness than lexical or structural words, such as prepositions and conjunctions. Non-native speakers, limited by their Russian proficiency, struggle to interpret utterances containing particles, necessitating lexicographers' adherence to the principle of ostensive explication. To implement this, bilingual dictionaries should include, as a supplementary appendix, voiced reference models of Russian particle usage, showcasing frequent and non-trivial meanings in phrases. Auditory internalization enables non-native users to master and employ Russian particles in communication, enhancing their practical language skills.

Keywords: bilingual dictionary, anthropocentric approach, Russian particle, subsign, ostensive explication, exoseme

Введение

Словарь является репозиторием кодированной языковой информации. Ценность и антропоцентрическая практичность словарной леммы усиливается от диапазона инкорпорируемой в нее информации, количества компонентов (зон) и атрибутов, принципов *экспликации* языковых фактов,

которые проецируются на языковые и речевые запросы пользователя словаря. Поэтому двуязычный словарь, вместе с данными о правилах применения кодифицируемой единицы, должен иметь полифункциональную структуру, которая бы позволяла представлять интегративную информацию и создавать надлежащие условия для поль-

зователя, чтобы он имел возможность применять рекомендованную в словаре вербальную информацию для различных видов дискурсов.

В то же время необходимо применять принцип коммуникативной ценности слова, который имплицитно подразумевает следующий постулат: каждая лексема, безотносительно к частоте ее применения, должна подвергнуться кодификации в двуязычном словаре при условии, что с референтивной точки зрения в высказывании ею выполняется значимая функция.

Как правило, дискурс, в противопоставлении к функциональным письменным стилям, имеющим *нормативную* основу, не кодифицируется в словарях. Основу узуса составляют, наряду с лингвистическими, паралингвистические и экстралингвистические средства выражения смысла высказывания. Они формируются в рамках коммуникативной и ситуативной обусловленности. Высказывание обычно сопровождается интонацией, жестами, мимикой. Рассматривая дискурс как коммуникативный процесс, следует иметь в виду, что высказывание не создается произвольно (за исключением психических реакций на боль, страх, комическую ситуацию; продуцирования монолога; проговаривания реципиентом вслух его мыслей и т.д.).

Цель исследования состоит в обосновании внесения в микроструктуру леммы двуязычного словаря информации о коммуникативных особенностях русских частиц, в частности о рациональности добавления оstenсивной информации о функционально-прагматических особенностях применения русских частиц в устной речи.

Материалы и методы исследования

Методологической основой данного исследования явились классические и современные труды отечественных и зарубежных ученых в области теоретической и прикладной двуязычной лексикографии. Использовались: а) общенаучные методы познания (аналитический, синтетический, метод обобщения); б) эмпирические методы исследования (метод наблюдения, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод).

Результаты исследования и их обсуждение

Антропоцентрическая природа слова заключается в прагматике речевого акта. В этом проявляется его изначально метафорическая суть, поэтому слово, произносимое и обращенное к собеседнику, в первую очередь выполняет коммуника-

тивную и перформативную функции, которые в лингвистическом словаре абсолютно не кодифицируются [1, с. 78]. Частицы, выполняя функцию акцентирования внимания перцепиента на существенном (по мнению продуцирующего высказывание) сведении, подчеркивании его ценности, являются важными лексическими единицами актуализации фрагментов высказывания или всего высказывания. Частицы не имеют постоянного места в составе высказывания. Продуцирующий высказывание обычно размещает используемую частицу в позиции *зачина*, координируя ход речевого акта между ним (адресантом/продуцентом) и собеседником (адресатом/реципиентом).

Частицы используются для гармонизации взаимоотношений во время вербальной коммуникации. Существенным свойством русских частиц является способность представлять скрытую, но понятную для русскоговорящих и затруднительную для иностранцев объективную семантику [2, с. 80]. Чтобы русская частица была верифицирована иноязычным пользователем двуязычного словаря, соотнесена с языковой реальностью, а затем активно им использовалась в его речевой практике, она должна пройти через оstenсивный процесс (тактильный, зрительный, слуховой и др.). В теоретической лексикографии оstenсивная информация отнесена к метаязыковой дефиниции, тип толкования – прямое, или указательное, определение. Прямое определение дает возможность усвоить значение изучаемых слов путем непосредственного ознакомления с объектом (предметом) или процессом, связывает слово с объективным миром. Через оstenсивное определение начинается *понимание* языкового выражения, являющееся основой смыслового восприятия речевого сообщения. То есть детализация значения слова с помощью оstenсивной информации позволяет правильно связать значение слова с *представлением* об этом слове в высказывании. Происходит конкретизация контекстного (коммуникативного) значения слова в высказывании.

Ситуационно-дифференциальная функция русской частицы совместно с интонационной составляющей значительно влияет на содержание всего высказывания. Проблемы в восприятии русской частицы порождают депривацию коммуникации со стороны иноязычного участника коммуникации. Поэтому микроструктура леммы двуязычного словаря обязана содержать информацию, которая бы способствовала пониманию иноязычным пользователем коммуникативно-контекстных значений частицы.

Одним из превалирующих условий рецепции и восприятия русских частиц, обслуживающих дискурс, и, следовательно, всего высказывания, является *интонация*, которая относится к паралингвистической системе неязыковой коммуникации наравне с такими элементами, как *свойство голоса, диапазон, тональность, громкость, темп, ритм и высота звука*. Перечисленные паралингвистические невербальные единицы являются *модификаторами* вербальной коммуникации.

Термин «интонация» обозначает комбинационный феномен, представляющий собой *континуум* мелодики речи (увеличение или уменьшение ведущего тона в границах высказывания, силы, темпа речи, пауз и др.). *Интонация* является способом отражения разнообразия значений и категорий синтаксиса, средством дифференциации высказываний/предложений разных типов, а также демонстрирует различные оттенки выразительности и эмоциональности, то есть *интонация* актуализирует потенциальные высказывания.

Согласно исследованиям Т.М. Николаевой, *интонация* высказывания/предложения обладает: 1) функцией членения (через оформление), 2) функцией взаимодействия и 3) функцией смысловых отношений. Указанные функции позволяют выделить три акустических слоя озвученного высказывания: 1) универсальный, 2) словесной просодии и 3) собственно интонационный. Слой словесной просодии содержит те просодические явления, которые обязаны своим появлением просодии конкретных слов, входящих в данную фразу или синтагму [3, с. 67–72].

Вышесказанное позволяет выделить следующие уровни высказывания: 1) построение структуры и установление содержания; 2) проектирование отношений плана содержания к плану выражения; 3) установление структуры плана выражения; 4) координация прагматики высказывания с эмоционально-когнитивными интенциями языковой личности; 5) субъективизация отношения говорящего к содержанию своего высказывания; 6) кодирование и декодирование языкового и интонационного слоев участниками коммуникации.

Факультативными элементами интонации являются *тембр* (ирония, сомнение, воодушевление и т.д.) и *ритм* речи. Преваляющая функция *интонации*, безусловно, связана с мелодикой, которая помогает организовывать фразу и передавать различные оттенки значения. Высказывания с русскими частицами могут иметь дифферентные значения, зависящие от мелодики. Повышение или понижение тона голоса позволяет говорящему выразить разноплановые намерения. Покажем это на интонационных моделях слова «хотя» в функции усилительной частицы.

1. Повышение тона с эмоциональной окраской. В разговорной речи частица «хотя» обычно употребляется в сочетании с «бы», то есть «хотя бы». Например, в выражении «Хотя бы позвони!» выделяются две интонационные составляющие. В первом случае интонация, как правило, восходящая на «хотя», затем резкое понижение, что выражает пожелание, сожаление или просьбу. Другая интонация позволяет эксплицировать упрек: небольшое повышение интонации на «хотя», а затем понижение на глаголе в повелительном наклонении «позвони».

2. Нейтральная интонация в некоторых речевых конструкциях. Частица «хотя» может быть произнесена без эмоционального выделения. Например, «Ты хотя на огонек загляни». Интонация в данном выражении ровная: говорящий не акцентирует свою просьбу, не настаивает на ее выполнении, он демонстрирует такой нейтральной интонацией свое индифферентное пожелание, на которое реципиент может соответственно отреагировать: выполнить или не выполнить, исходя из его возможностей. Для наглядности вышеизложенный материал представим в таблице.

Процесс межличностного общения требует от участников диалога находить и использовать средства для выражения/наименования antecedentного содержания, а также стимулирует участвующих в речевом взаимодействии людей к переосмыслению служебного слова, наполнению его иным содержанием, что находит отражение в асимметричном дуализме частицы как субзнака (полузнака).

Сводная таблица

Роль слова <i>хотя</i>	Интонационная модель	Пример
Частица	Повышение на слове <i>хотя</i> , далее – резкое понижение	<i>Хотя</i> бы позвони!
Частица (нейтр.)	Ровная	Ты <i>хотя</i> на огонек загляни.

Источник: составлено автором.

Таким образом, можно констатировать, что служебные слова, как субзнаки, ограниченным количеством единиц выражают в русском языке значительное количество значений. Одним из способов выражения значений частиц является именно *интонация*. Различные оттенки *интонации* позволяют говорящему детерминировать семантику используемой в речи частицы. Например: 1) «интонационное членение»: «Только / учителю этого не напоминайте» – «Только учителю этого / не напоминайте»; 2) «интонационное выделение»: «Вот картина Марка Шагала» (описание) – «Вот картина Марка Шагала» (напоминание) [4, с. 96–97].

Например, «Хоть не ворчал бы!» Частица «хоть», произнесенная приглушенным и индифферентным голосом, передает апатию говорящего. Во фрагменте диалога «Дети-то хоть помогут тебе по дому? – Как же!» ответ «Как же!» может передавать как констатацию (разумеется, оказывают воздействие), так и отрицание факта (несколько не принимают участие) [5, с. 307–312].

Наличие многокомпонентных частиц в русском языке также не способствует правильному их усвоению иноязычным пользователем словаря. Например, частица «а что если» состоит из трех компонентов. Указанная частица играет важную роль в организации диалога, особенно в разговорной и неформальной коммуникации. Рассмотрим ее семантическую типологию значений.

1. Инициирование предположения: «А что *если* я уйду прямо сейчас?» Интонация: частица обычно произносится с восходящим тоном, особенно при значении *гипотетического предположения*. Назначение: вводит гипотетическую ситуацию, предлагая собеседнику рассмотреть возможный сценарий, поэтому сопровождается вопросительной интонацией. Как правило, в устной речи, в зависимости от коммуникативного контекста и ситуации, дополняется эмоциональной рефлекторной мимикой или энергичными, порывистыми жестами рукой.

2. Предложение действия с побудительным оттенком: «А что *если* все-таки рискнуть?» Назначение: частица выражает побуждение к действию, часто с элементом иронии, сомнения или призыва к смелым поступкам. Здесь также сохраняется вопросительная интонация, но с эмоциональной окраской. Возможна более энергичная и побудительная интонация. К прагматическим особенностям частицы «а что *если*» следует отнести: а) использование для смены темы или введения нового, иногда неожиданного, предположения; б) вовлечение собеседника в обсуждение предложенной инициативы.

Для иноязычного пользователя вербальная экспозиция данного диалога в лемме двуязычного словаря на разговорную частицу «а что *если*» будет «затемнена» без интонационного выделения данной частицы. Процесс понимания значения служебного слова в высказывании будет замедлен. Не осуществляется подведение значения слова под соответствующие *представления* о слове. В этой ситуации высказывание, вместе с коммуникативным контекстом и ситуацией его употребления, не сведено до точного и конкретного *представления* о данной частице.

Языковое выражение усваивается иноязычным слушателем в том случае, если он в состоянии связать значение русской частицы, входящей в это выражение, с его остенсивными навыками о предметах и процессах, к которым отсылает субзнак.

Интерпретация устного выражения – это способность универсализации значений слов, составляющих высказывание, под аутентичные представления о субъекте или процессе, описываемом в высказывании. В процессе понимания индивидуальное, конкретное представление выступает как образец, с которым нужно согласовывать значение субзнака. Усвоение нового содержания и включение его в систему устоявшихся идей и представлений возможны для иноязычного пользователя словаря с усвоением остенсивной информации.

Итак, восприятие русских частиц для иноязычного пользователя словаря осложняется интонационной составляющей. В этом проявляется их *неэксплицируемая* специфическая особенность. Иноязычный пользователь, в силу ограниченности знаний русского языка, будет затрудняться в понимании значения высказывания/предложения с использованием русской частицы. Ему потребуется усвоить частицу, реконструируя и координируя аккумуляруемую ею систему русских языковых значимостей с дополнительными прагматическими компонентами, которые не передаются словами, вербально зафиксированными (напечатанными) в лемме двуязычного словаря, поскольку посредством интонации выражаются эмоциональные значения. Без этих когнитивных (ментальных) процедур иноязычный пользователь не сможет понять своего собеседника, осознать значение услышанного выражения или фразы, в которых использована русская частица. Именно это обстоятельство требует настоящего применения лексикографом принципа *остенсивной экспликации* русских частиц. Предложенный А.С. Цоем термин принцип *индуцирования визуального и слу-*

хового каналов языковой личности [6, с. 9], как представляется, указывает только на начальный этап работы органов чувств (зрительного и слухового) в процессе усвоения слов, не учитывает саму процедуру работы нейронов головного мозга по комплексному усвоению русских частиц и его прогнозируемый результат. Лемма двуязычного словаря, следовательно, должна обеспечивать иноязычному пользователю доступ к понятию описываемой единицы, в котором содержится знание конвенционализированное, экстралингвистическое.

Иноязычный пользователь словаря, чтобы в будущем не оказаться в ситуации коммуникативной неопределенности, должен слышать *образцы употребления* русских частиц, иметь их в своей присваиваемой/приобретаемой компетенции как знание нового фонового порядка, релевантно воспринимать и использовать их в контексте непосредственной коммуникации.

В существующих двуязычных словарях такие сведения, значимые для освоения устной речи и акустической идентификации русских частиц, отсутствуют [7, с. 47–48]. Требуется лемма, демонстрирующая для каждой пара- и экстралингвистической модификации русской частицы наиболее частотные релевантные интонационные характеристики [8, с. 57–58]. Больше всего это относится к функционированию частиц, семантика которых обусловлена коммуникативной составляющей. Оптимальным способом реализации этой идеи является создание и включение в двуязычный словарь различных озвученных эталонных моделей их употребления (с наиболее частотными и нетривиальными значениями) в высказываниях и фразах [9, с. 329].

Заключение

Представленный выше принцип предлагается именовать *принципом остенсивной*

экспликации русской частицы. Приведенные в качестве примеров интонационные характеристики русских частиц показывают, насколько важно наличие в структуре словарной статьи различных озвученных эталонных моделей употребления русских частиц в высказываниях и фразах.

Использование принципа *остенсивной экспликации* русской частицы для коммуникативных целей является необходимым в системе экспликации этого класса служебных слов в двуязычной лексикографии.

Список литературы

1. Ривелис Е. Как возможен двуязычный словарь. Doctoral Thesis in Slavic Languages at Stockholm University, Sweden. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36. Stockholm: Department of Slavic Languages. Stockholm University, 2007. 407 с. ISSN-0585-3575. ISBN 978-91-85445-77-6.
2. Николаева Т.М. Функции частицы в высказывании (на материале славянских языков). М.: URSS, 2021. 170 с. ISBN 978-5-397-08004-0.
3. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. 2-е изд. М.: URSS, 2023. 278 с. ISBN 978-5-9710-9896-6.
4. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. 2-е изд. М.: URSS, 2022. 104 с. ISBN 978-5-9710-9816-4.
5. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. 2-е изд. М.: URSS, 2017. 656 с. ISBN 978-5-453-00117-0.
6. Цой А.С. Лексикография русских служебных слов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 35 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/leksikografiya-russkikh-služebnykh-slov/read> (дата обращения: 07.06.2025).
7. Цой А.С. Проблемы кодификации русских служебных слов. Лодзь: Издательство Лодзинского университета, 2023. 188 с. DOI: 10.18778/8331-085-5.
8. Алимпиева Л.В. Описание русских частиц в словарной статье двуязычного словаря с антропоцентрической точки зрения // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 6. С. 56–60. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=2410> (дата обращения: 07.06.2025).
9. Tsoi Aleksandr. Intonation As a Component of Semiosis of Russian Particles. Studia Rossica Posnaniensia. Vol. XLIV. Poznań, Adam Mickiewicz University Press, 2019. P. 327–336. DOI: 10.14746/strp.2019.44.1.31.